

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский (1863-1919) начал свою научную работу в конце восьмидесятых годов, когда наметились его исторические интересы — археография и археология. Именно тогда появилась его первая книга "Скифские древности" (1887). В это же время произошла его встреча с П. Н. Милюковым, который был уже доцентом Московского университета. Он приехал в Петербург, чтобы познакомиться с молодыми историками, приготовлявшимися к профессорской деятельности; из нескольких человек, с которыми он встретился, он нашел Лаппо-Данилевского особенно серьезным.

Его следующая книга "Русские промышленные и торговые кампании в первой половине XVIII в." (1889) свидетельствует об интересе автора к социально-экономическим вопросам, к которым он подходил, опираясь на указы и акты правительства. Его основным трудом была "Организация прямого облажения в Московском государстве со времён смуты" (1890), это было образцовое исследование государственного хозяйства и земледельческого и городского быта в этом государстве. При этом следует помнить, что в Петербургской исторической школе, со времен К. Н. Бестужева-Рюмина, прочно утвердилась традиция тщательно изучать исторические источники, при том многочисленные. Труд Лаппо-Данилевского был оценён Академией Наук, и он довольно рано был избран в её члены.

В конце XIX в. и начале XX в. европейские историки стали интересоваться вопросами о целях исторической науки и её мето-

дах, и появились книги на эту тему. При составлении учебных планов в Петербургском университете был введен курс "методологии" (Вып. I, II /1910-13/), и за него взялся Лаппо-Данилевский. Этот курс был задуман широко, охватывая теорию исторического знания, работу над источниками и построение истории (не изложение); курса такого масштаба не было ни в одном из наших университетов. Автор рассматривал теорию истории на основе философской логики, в духе распространённого тогда среди учёных нео-кантианства; по части методов он был под влиянием известной немецкой книги Г. Риккерта "Границы естественно-научного образования понятий", где проводилось четкое различие между науками естественными и гуманитарными, в частности историей.

Так как эту книгу Лаппо-Данилевского вряд ли можно достать сейчас за границей, как и в СССР, будет полезно кратко изложить её содержание. В первой части, после исторического введения, обсуждаются два направления в истории, обобщающее и идиографическое: одно стремится к определению объективных исторических законов, а другое к построению исторического целого. Кроме различия по целям, историческое изучение зависит от свойств исторического объекта. Во второй части даётся понятие об историческом источнике и говорится об его интерпретации и критике, чем выясняется подлинность и достоверность источника. В третьей части изучаются исторические факты, их группы и причинная связь, применение количественного и сравнительного метода, и изучается историческая периодизация.

Содержание курса было богатое, с примерами из европейской и русской истории, но в печати появились только первая и вторая части. По обширности и систематичности весь этот труд выделялся даже среди иноземных работ на эту тему. В русских же университетах читались только краткие и отрывочные курсы.

Книга Лаппо-Данилевского подверглась критике со стороны советских историков. Оставляя в стороне его нео-кантианскую философию, которая оказалась "недозволенной", сама критика носила политический характер. Заметим лишь некоторые более серьёзные возражения исторического характера. Во-первых, отрицалось основное разграничение естественных наук от

исторических. Предпочтение, которое отдавалось первым, мало помогло критикам; найти объективные законы истории на русском материале оказалось невозможным, о чем свидетельствует книга М. Н. Покровского "Русская история в самом сжатом очерке" (1933), а позже и ее автор был признан вульгаризатором марксизма. Во-вторых, возражения против "психики" исторического источника бьют мимо цели: в источнике важна не его материальная оболочка, а смысл, и сам Лаппо-Данилевский, обсуждая методы источниковедения, требовал изучения их на основе среды, в которой они возникли (политической и экономической). В третьих, общий упрек, что автор строил свои "безжизненные" схемы забывая о действительной жизни, тоже неоснователен; его методология тщательно изучала причинность событий, которая проверялась именно на реальной жизни.

Методология истории по существу должна была предшествовать другим курсам, но молодые студенты были к нему не подготовлены; они мало знали логику и совершенно не знали теории познания. Они внимательно слушали лекции Лаппо-Данилевского, но лишь редко задавали вопросы преподавателю. Талант нашего профессора, как педагога, проявился в его семинаре. Этот семинар стоял на высоком уровне и, видимо, интересовал студентов, потому что в нем участвовали не только наши историки, но также студенты-философы и экономисты, даже бывали люди, уже кончившие университет. Кроме названного курса, Лаппо-Данилевский читал лекции по истории XVIII в., чего я не застал, а позже, лекции по русской историографии, когда я еще был студентом. Оба курса не были напечатаны, но сохранились в архивах Академии Наук.

Следует отметить еще один интерес, который был присущ нашему профессору — история науки. Занимаясь XVIII в., он писал о Петре Великом как основателе Академии Наук, об просветительной деятельности Екатерины II и в своих лекциях по русской историографии он говорил об историках конца XVIII и начала XIX в.в. По его инициативе при Академии была основана секция по истории наук. Во время войны был выпущен английский сборник "Russian Ideas and Realities" (Cambridge, 1917), для которого он дал статью о развитии русской науки

Иногда высказывалось мнение, что Лаппо-Данилевский был замкнутым человеком, чуждым молодёжи. Это мнение несправедливо. Он не замыкался в своей научной работе, отходя от общественной жизни, которая была очень беспокойной в то время (1904-17 гг.). Когда произошёл расстрел рабочей манифестации в 1905 г. он вместе с акад. А. А. Шахматовым явился в Петербургскую Городскую думу, единственный выборный орган, с протестом против таких действий власти. Когда в 1910 г. университет был сплошь занят полицией, он согласился по просьбе слушателей читать лекции на дому. Когда в 1915 г. я, уже будучи офицером, посетил своего учителя, он очень критически говорил о действиях властей.

Временное Правительство назначило его членом комиссии по разработке Положения о выборах в Учредительное Собрание — очень ответственное дело.

Несколько слов об отношении Лаппо-Данилевского к молодежи. Я уже сказал, что курс методологии истории был труден для студентов; происходило это из-за его преувеличенного мнения о способностях его слушателей. Но он не требовал от студентов, чтобы они обременяли свою память подробностями и удовлетворялся, если они понимали основные идеи его курса. Истинное отношение к ученикам проявилось в его семинаре по теории истории, где он вел себя не как профессор, а как руководитель, всегда любезный и доброжелательный, готовый прийти на помощь участнику семинара; свои замечания он делал спокойно и серьёзно.

В 1918 г. я уже оставил Петроград, но знал от друзей, которые там оставались, что положение Лаппо-Данилевского стало очень тяжелым из-за жизни в холодном и голодном городе, что подорвало его здоровье. Долго он не выдержал и скончался в начале следующего года. О его смерти было так сообщено в официальной академической публикации: он заболел в результате недостаточного питания и умер в госпитале после операции 7 февраля 1919 г. Под недостатком питания подразумевался настоящий голод. Подобные же сообщения появлялись позже и о других учёных-академиках.

Лаппо-Данилевский оставил большое учёное наследство. Он написал более ста статей, напечатал несколько книг, замечатель-

ных по методической разработке, и издал два обширных труда, один о прямом обложении в Московии и другой по методологии истории. Эти труды были высоко оценены его научными коллегами, но критиковались его противниками. Будем надеяться, что они будут оценены в будущем.

И. Гапанович

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НАБОКОВА

Он был мало сказать мастер; такой был он колдун и чародей, что именно исчезновением хочется назвать его кончину. Исчез, пожелал нас покинуть; захочет, вернется к нам. Но нет, не вернется. Не ему мне приходится сказать, совсем откровенно, все главное, что я о нем думаю.

Четвертого июля, в Испании, включил радио, и парижский диктор сказал: "В Лозанне умер Владимир Набоков, знаменитый американский писатель русского происхождения, автор "Лолиты", "Ады" и других романов, имевших большой успех и переведенных на многие языки". Выключил. Ощутил печаль и пустоту; а также досаду. Следовало диктору сказать "русский писатель, во вторую половину жизни писавший по-английски". Но конечно в Москве с ним настолько согласится, что не скажут о Набокове ровно ничего.

Молодым его вспомнил. Не видел тридцать восемь лет. В переписке с ним не был. Но никогда не переставал ощущать его присутствия где-то там, в Америке, потом в Монтрё; где-то там, в литературном сознании моем, в мыслях о нынешней, а не вчерашней, и о русской, прежде всего, литературе. Он был всего щедрей одаренным русским писателем своего поколения и самым выдающимся эмигрантским автором, из тех, что не успели прославиться еще в России. Не будь "Октября", он бы конечно не выселился из русского языка и стал бы, начиная с тридцатого года (когда печатался в "Современных Записках" его роман "Защита Лужина") главным обновителем